
Марат СЕРАЖЕТДИНОВ

РАССКАЗЫ

БУБЛИК

*Всем вольным собакам
от врача ветклиники*

Люди бросились к подъехавшему автобусу, он открыл двери и впустил всех жаждущих ехать. И они уехали. Пристанционная площадь опустела. А я вышел из своей бочки, сделал потягушки и сел. Мой дом хоть и дырявый, но удобный, с видом на пристанционную площадь. Ничего-то я не проспал и готов жить дальше.

Следующая электричка будет через час с хвостиком. Встречать ее вовсе не обязательно, но все равно делать нечего. Это молодые, нос в землю, делают вид, что у них неотложнейшие дела, им некогда — и там надо успеть и сям. Суета.

Я огляделся, почесался, повел носом и в очередной раз убедился, что люблю нашу пристанционную площадь, как самого себя. Без нее мне не жизнь. Сколько людей перевидишь за день и порадуешься за них, что всем хватило места в автобусе и на земле. Бывает, иные не успеют на свой и останутся обманутыми и покинутыми. Таких растяп жалко. И всем миром им не поможешь — у автобуса расписание.

На открытой площадке у магазина перекусывали контролеры. Мы поздоровались. Меня спросили, как поживаю. Я им ничего не ответил и потопал дальше. Невежливо с моей стороны, но они не обидятся. А вот им поживается трудно, целый день на ногах. Электрички они проклинают, а своих детей любят. Это сейчас лето, и они сидят за столиками под открытым небом. А зимой холодно, и они перекусывают прямо в магазине. И все же нравится им жизнь, хоть и трудна буднями. Лишнего в голове не держат. Они так устроены, воспоминания у них запаха не имеют. А тогда зачем помнить.

Привезли хлеб. На машине так и написано: «Хлеб». И водится же еще такое старье. У нас тут «фольксвагены» и всякие «пежо» в хозяйстве, а это диво из прошлой эпохи приколесило, как будто ничего не изменилось. Запах хлеба проникает в уголки моей памяти, мне самому неведомые, как будто это уже не моя память, а чужая, моих далеких предков, которые, может быть, пасли овец в горах. Запах этот ясен и чист, как прозрачный ручей в сосновом бору. Он волнует, слюнки текут, но есть я его не стану. Не из моего меню.

Кстати, меня зовут Бублик. Не знаю и помнить не могу, кто и почему меня так назвал. Не родители точно. В церковных метриках мои пращурсы не значатся, а свидетельства о рождении, как и паспорта, я тоже не имею. И хозяина надо мной никогда не было.

В зеркало я себя не видел. Говорят, большой, лобастый. Имею ранение, поэтому слегка прихрамываю. Радость выражаю скупой, но ровно. Забыл, когда лаял в послед-

---

Марат Харисович Серажетдинов родился в Москве в 1957 году. Окончил ГМУ им. Гнесиных. Публиковался в журнале «Знамя». Автор книги «Дневной слой» (триптих) (М.: Ключ-С, 2022). Живет в Москве.

ний раз, рассердить меня, а уж тем более поссориться со мной невозможно. Я заметил, что когда люди меня глядят, они по-другому относятся к себе. Им яснее становится, кто они, чего хотят. И сердечность потечет из них невидимыми струями. Люблю, когда меня чешут, но это бывает редко, думают, что я блохастый. И правильно думают. А чем плохи блохи?

Со стороны перехода через пути показалась дачница. Все по расписанию — привезли хлеб, она и пришла за ним. Ей каждый раз, помимо хлеба, нужны мои уши. Ни о чем, говорит, не жалею... как на духу, Бублик, ей-ей, жениха жду, а лета мои несвежие. Как-то раз я проводил ее до дома. Она предложила мне выпить и велела подождать у крыльца, а сама ушла. Я ждал, что она вынесет и закуску. А она вернулась с пустыми руками, села на ступеньки и уснула пьяненькая. Хорошая женщина, добрая. Не то что некоторые трезвенницы... И откуда в них столько злобы — гнать меня только за то, что я есть.

Приехала машина с дровами к Матвеевым. Шумно посыпались дары леса на землю. Зимой их сожгут в печке, а сейчас они пахнут, как какие-нибудь ландыши, и такая красота, что глаз не оторвать. Гори-гори, как поют люди, моя звезда. Чудно. Выходит, там, наверху, тоже привозят дрова, и они лежат, пока не загорятся ночью в виде звезд. А печка — небо. Именно от этого хорошо и тепло певцам звездной ночью. Мне же в такие звездные ночи всегда жалко забытый всеми вагон в тупике. Не первый год он там стоит и уже проржавел. Сирота. А сколько таких вагонов брошено в тупиках в разных уголках света, которого не объять. Наш сирота, говорят, с Дальнего Востока.

А вот и таксисты стали съезжаться. Вышли из машин обсудить проступок Кадилы, что самоуправно снизил цену за проезд. Надо бы его проучить. Но Кадилу на испуг не возьмешь, он тебя в бараний рог согнет и асфальтом сверху закатает. Одно слово — кулак. Бухгалтерия у него простая: снижай цену и бери валом. Пока ты одну поездку сделаешь, он за то же время три. Я подошел к мужчинам поздороваться, послушать и другие новости про то, куда ездили, кого везли, что сегодня в мире делается. И не делается тоже.

Скоро из леса показалась электричка. Взвизгнула: везу товар! Лишние, освободите платформу, а то с ног сшибет. Остановилась, открыла двери. И посыпались из нее люди. И бежали наперегонки. Москвичи с тележками на колесиках, свои — налегке. Таксисты встречали человеческий прилив молча. Скалы, да и только. Они у нас гордые, и услуги по транспортировке сами не предлагают, а ждут, пока приехавшие не отштурмуют автобусы, зная, что обязательно найдутся такие, кто откажется от борьбы, захотят комфорта и сами явятся к ним на поклон. Разговор у них обычно короткий. «До „Паломников“ сколько?» — «Триста». — «Поехали».

Глядя на весь этот вертеп, я каждый раз думаю: сколько раз ты пытался уехать из этих мест, и всегда возвращался. Был я и в сердце отечества нашего. Покатался на метро, на трамвае до Сокольников, на Красной площади был и сделал вывод: не мое. На площади той мне сильно приспичило, чуть не осрамился, пока искал место, чтобы справиться нужду. В Москве живут не по-человечески, там у всех трясучка, что нигде не успевают, и очередь их никак не подходит. Совсем другое дело у нас — тут времени много, все всё успевают и в очередях стоят с удовольствием. Правда, расписания никто не отменял, но это уже детали.

Прилив сменился отливом. Опустела площадь. Перерыв до обеда в движении электричек. Я задремал, поглядывая на милиционеров (уж я по-старому их назову), прибывшими с инспекцией на предмет свежей выпечки. А кое-кому из них неотложно надо повидаться со своей отрадой за прилавком, чтобы набраться сил для несения нелегкой службы. Да и пирожки с чаем не помешают.

Они зашли в магазин, а на площади залаяли. Это был чужак. Я не сразу разглядел, на кого он лаял. Пригляделся — котенок. Тот шипел на пса и сдаваться не думал.

С характером парнишка. Я подошел поздороваться, а чужак поджал хвост и дал деру. Котенок посмотрел на меня и по-пластунски пополз через площадь, как через минное поле. Я с ним заодно. Он замрет, и я тоже. Он три шажка, и я. Опять остановимся и не дышим. Как будто в воду заходим, пока еще на мелководье, но уже чувствуется глубина, а там большие рыбы, подводные лодки... Помнится, по молодости я как-то раз переплывал Волгу, страху натерпелся, чуть не утонул... Нет, этот парень — особый случай, первопроходец. Я-то все-таки постарше был, и на том берегу меня зазноба ждала. А этот-то куда намылился, Васко да Гама... Я решил, что на первый раз с него достаточно, да и дома наверняка хватились. Впечатлений набрался, будет что сестренкам и братишкам рассказать. Мать у него Мурка, а отец Васька. А в целом они матвеевские и живут хорошо. Говорят, Васька рыбак. С удочкой я его не видел, а со свежей рыбой в зубах — неоднократно. Подозреваю, что он ее таскает у местного рыбачка. Тот ее тут же у железки ловит в прудике, который называют Пожарным.

И понес я котенка обратно, к Матвеевым, рядом с которыми в заброшенном палисаднике моя бочка приютилась. По дороге мне встретился мой прошлогодний сын. У детей своя жизнь — обнюхаемся и разбежимся. Сколько их у меня в округе, не сосчитать. Сынуля поздоровался со мной в голос, а я только буркнуть смог из-за ноши во рту. Он меня, кажется, неправильно понял, мол, чего это я на кошатину перешел. Раз ты несешь что-то в зубах, значит, добычу. По-другому они думать не умеют. Недостаток воспитания.

Это случилось вечером того же дня все у той же летней площадки возле магазина. Я был в компании приличных людей. Деловой разговор. Но шуточный. И вот один из них посмел возразить своему командиру. Слово за слово — окрысились, встали на ноги друг против друга, начали пихаться. Возразивший явно был слабее, без слез не взглянешь. Вожак на него замахнулся, чтобы ударить, а компания и не подумала остановиться. Ну, я и вцепился в руку агрессора и не отпустил, пока холодной водой из колонки не окатили. Убежал.

И что на меня нашло? До крови покусал человека, у него даже рука повисла плечочкой. Хотел заступиться за слабого, напал на сильного, а он оказался слабее меня. Что ему было противопоставить моим зубам? Против таких аргументов только лом годится.

Через два дня меня поймали. Отвезли куда следует. Сегодня усыпят. Видел человека, который это делает. С ним была девочка с золотым рюкзачком за плечами, на голове два хвостика.

Прощайте. О содеянном не сожалею, за свои поступки надо отвечать.

ВЫ СГУБИЛИ МЕНЯ

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края.

А. Н. Плещеев

Я — подкаблучник. По профессии швея-моторист. Так записано в трудовой книжке. Мог стать наладчиком оборудования. Но не стал. Ни о чем не жалею. А если зову, то плачу из собственного кармана, чтобы накрыть стол и усадить за него родные лица. Со стороны может показаться, что мы, прожившие сознательную жизнь

бок о бок, вперемешку сидящие, промозолили друг другу глаза. Но не выкололи же. Потому что ценим дружбу и совсем не мастера копать яму ближнему, хотя и конкуренты в некотором смысле. Одни, в лице Филимона и того же Индуса, снабжают наш город нижним бельем, и их «Kristy for you», дай бог, здравствует. Другие, в лице меня, представляющего «Infant dress», открыто шьют для детей и юношества. И уж никак не о чем спорить нам с «Традиционными пряниками» или «Рыбсоюзом», специализирующимся на рыбной продукции, безалкогольных напитках и вывозе древесины. В какой из этих контор лучше платят — это другой вопрос. Это разговор, так сказать, на десерт, под перекур. Не скрою, хотели меня переманить и туда и сюда. Но я к своему месту прикипел и ни на какие кулебяки, бальки или витые пряники его не променяю. Разговоримся, закурим по второй. А мне вдруг вспомнятся размеры бюстгалтеров, они бывают от 65А до 11ОН. Из-за этого я становился рассеянным и из разговора слегка выпадал. Меня выручали англичане, которые в незапамятные времена не выпускали поморов в море на промысел. Как вспомню об этом факте истории, так и затрясет всего, и начну их утешить, достанется им, с их королями и королевами, Шекспирами и Байронами по пятое число. И ведь не стали мы одной из колоний Ее Величества, не стали! И Белое море не стало Аглицким. Во время одного из таких перекуров мне в голову пришла маркетинговая идея: «Купил вещи на весну? Сдай старые на благо нуждающимся». Руководству идея понравилась. «Доставка бесплатно!» — добавил наш директор. На том и порешили. И покупателя себе чуток прибавили.

Как вы поняли, я живу на севере. От нашего городка до Белого моря рукой подать, а до столицы две ночи на поезде. Глухой осенью наш городок лучше объехать стороной, чтобы не впасть в депрессию. В это время года он создает гнетущее впечатление даже у его жителей, не говоря о приезжих. Пока не выпадет снег. А до первого снега собаки с поджатыми хвостами по улицам ходят, кошки не урчат, куры во дворах не кудахчут, петухи не поют и своих подруг не топчут. Кабак на центральной улице в это время года всегда переполнен. В глухую пору у нас люди и в церковь ходят с большей охотой. За питейным заведением находится отделение милиции, за ним — театр, правда заколоченный. Каждый раз, проходя мимо этого униженного здания, я почему-то вспоминаю, как в детстве меня ставили в угол на горох за плохое поведение.

Я пишу не затем, чтобы кого-то удивить или понравиться, а чтобы лишний раз кое с кем встретиться, пусть и на страницах рассказа. При этом я ловлю себя на мысли, что я тот малолетка, очумевший от беготни за день, у которого слипаются глаза, ему говорят: «Ешь», он в ответ кивает головой, соглашаясь, но ложка валится из рук, а перед самым исчезновением с этого света ему промелькнет что-то доброе и вечное. С тем и уснет.

На дворе нулевые. Знакомьтесь — Диана. Диана — моя жена, вернее, я ее муж. Нашему союзу предшествовало похищение жениха, то есть меня. В буквальном смысле, по-настоящему. А как ей еще было обратить на себя мое внимание. И я обратил: мы поженились. Она переехала из общежития жить ко мне, в деревянный одноподъездный дом, стоящий на крутом склоне проулка. По весне, в распутицу, мне всегда представляется, что он сползет по склону вниз и нас, его жильцов, наконец переселят.

Не скрою своего беспокойства за тебя, читатель. А вдруг ты окажешься человеком неподготовленным, и с первых минут тобой будет руководить предвзятое отношение. А если ты при этом еще и считаешь себя самым умным, то на лед тебе выходить точно не стоит. Чутья у тебя на два шага вокруг себя, а дальше ждет промоина и все такое — потонешь, не дочитай.

Но тем не менее приступим.

Осень-зараза снова куражится. И так из года в год. Будни и бесконечный понедельник, нестираных тряпок по небу понавешано, и дождь со снегом на головы льет

и сыплет не переставая. В такой сезонище милее дóма. И свету в окошке соседа больше радуешься. Вот и пять лет назад точь-в-точь была такая же погода. Я торопился домой, где меня ждала Диана. Я и не думал, что женитьба может оказаться спасательным кругом на все случаи жизни, что буду возвращаться после работы домой и думать, что у нас с женушкой вся жизнь впереди. В тот вечер Диана показалась мне какой-то особенной. Зажгла свечи и выключила верхний свет. Сердечко мое, как у зайчишки, запрыгало, дышать стало совестно. Она попросила меня сесть рядом и выслушать ее. Когда она заговорила, я не сразу понял, о чем она, ей как будто поручили рассказать непонятливому муженьку о том, что иногда случается в жизни женщин. Потом Диана почему-то попросила не судить ее, а понять. И тут до меня наконец дошло, что история про нее, мою несравненную женушку, она встретила мужчину и ничего не может с собой поделаться, чтобы не думать о нем каждый день. Она хотела бы разобраться с собой и не рубить сплеча и поэтому посчитала своим долгом поставить меня в известность о случившемся. Мне сделалось страшно. А зачем тогда мы с ней огурцы закрывали и варили на зиму варенье, которые нам теперь не пригодятся? И зачем она взяла мою руку в свою и гладит ее? От этого было еще страшнее. Я почувствовал тепло ее рук, и страх за себя сменился страхом за нее: она погибнет! «Мне уйти?» — спросила Диана. Как это уйти? Куда?! Если она уйдет, то уже не вернется! Меня закапывали живьем. Не помню, как я оказался на диване. Он показался мне могилой, и тогда я сполз на пол. Оказавшись на полу, мне захотелось куда-нибудь спрятаться, еще ниже. Ближайшим укрытием оказался стол. Я забрался под него. Диана села рядом. Тогда я пополз к двери, поднялся и стал одеваться. Диана на улицу меня не выпускала. Завязалась борьба. Мне было стыдно смотреть ей в глаза, я винил во всем только себя и ничем не мог помочь ей. Диана меня уже целовала, но я ничего не чувствовал. И вдруг разрыдался.

Спать мы легли вместе. Но под разными одеялами.

Утром Диана встала раньше меня. Она сидела у окна. На ней было выходное платье с брошкой-слоником. Сердце мое сжалось: она все-таки решила уйти. Значит, так тому и быть, подумал я и не мог на нее наглядеться — как она сидела, с прямой спиной, недвижима, как изваяние! «Ты проснулся? Доброе утро», — сказала она, не отрываясь от окна. «Доброе», — сказал я, ожидая, что меня пожурят: подглядывать нехорошо. Я готов был услышать страшные слова: «Ну, я пошла». А вместо этого случилось невозможное: она прилегла рядом со мной и попросила прощения. Слезы брызнули из наших глаз. Я тоже попросил у нее прощения за вчерашнее, за то, что плохо себя повел и вообще не справился с собой. Она не дала мне договорить: «А как ты мог справиться с собой, ведь ты меня любишь. Я дурная женщина, унизила тебя, прости. Ты не мог поступить иначе, не мог. Ты меня любишь, и я тебе очень благодарна за это». Слезы из моих глаз потекли сильнее, когда я понял, что она оделась по-праздничному для меня. Мы затихли в объятиях друг друга и скоро уснули. Сказалась бессонная ночь.

А потом выпал снег. И я снова плакал от нахлынувшего восторга, правда в одиночку, чтобы никто не видел, а то уж совсем.

В наших краях зима подкатывает раньше, чем в других широтах. Не дождавшись Нового года, я подарил Диане пылесос. Она очень удивилась подарку, вернее, не поверила, что видит перед собой чудо техники. «Пылесос — зимой?!» Она присела и погладила его, как живого, и не сразу решила включить. А включив, взвизгнула от резкого шума, рассмеялась и заслушалась его воем. А я дорисовал картинку, представив, как мы с ней выкатываем пылесос на улицу для уборки снега.

Тот Новый год мы встретили в становище оленеводов. Дело в том, что моя Диана из коренных, правда обрусевшая. Она с Ямала, куда местные не доходили. Между

собой, в шутку, я называл ее самоедкой. Она смеялась прямому значению этого слова. Диана — детдомовка. Судьба забросила ее в наши края, она работала в ветлечебнице, лечила зверушек. Котики, собачки, птички и всякие там букашки просто замирали под ее вдумчивым взглядом. При ней я никогда не пил. Если же и позволял дружескую компанию, то знал потом свой шесток — Диана дня три к себе не подпускала. И надо сказать, я ее побаивался. Иной раз она была такой открытой и неудержимой, что я терялся и не знал, кто предо мной. У нее был один изъян: она стеснялась слова «люблю». Это ее детская травма. Она ведь выросла без родителей, некому ей было говорить это слово, вот оно и не прижилось в ее устной речи. Во всяком случае, я не помню, чтобы Диана говорила мне, что любит, но она умела иной раз так посмотреть, что родишься заново. Да что там. Даже когда ее не было рядом, ее особенное отношение ко мне передавалось по воздуху. Я и сам интернатовский. Угодил туда после смерти матери в десять лет. И хоть отца видел редко, он всегда был на заработках, но родительского внимания мне перепало. А тут дыра — нет родителей, ты как бы ниоткуда. Муж их заменить не может.

Благодаря моей жене я стал своим среди оленеводов. Поездки в становище были нашим семейным обрядом. Диана пристрастилась гоняться на оленьих упряжках. А я обычно сидел себе у чума и в помощники ради забавы не набивался, потому как к туристам себя уже не причислял. И кто за кого отвечал в этом хозяйстве, не ответишь — ненец за оленя или олень за ненца? Полный симбиоз, если я правильно понимаю значение этого слова. Невозможно представить, чтобы интеллигентный олень позарился на чужое добро или жил завистью, чтобы он потерял покой. Я не себя имею в виду, я про цивилизацию в общем, шитую белыми нитками. Ее владения начинаются за первым же горизонтом, где наш горемычный городок коптит небо. Но и я тоже для оленя инопланетянин. И табак-то я курю, и зачем-то горькую пью, денежку в кошельке пересчитываю, хожу на выборы. «А оно надо?» — посмотрит на меня олень, унюхает чужой запах и пройдет стороной.

До Нового года оставалось часа два. А у нас с Дианой еще не все дела сделаны, вернее, осталось одно — нарядить в тундре деревце, чтобы порадовать песца или волка. Отъехали мы недалеко, поднявшись на сопку, и выбрали карликовую березку. А на обратном пути я притулился к спине Дианы, она была за возницу, и, поглядывая на бегущих за нартами собак, задремал.

Есть такие минуты в жизни, ради которых живешь на свете. Они не описываются словами — такая это тонкая материя, которую стежком не подцепишь. То ли верный пес лежит у ног, то ли песец уснул, доверясь человеку. Неизвестно как светит невероятная луна. А под ней чуть заметно колыхнется море. Но то не волны, то спины оленей. Ищут себе место коралловые деревца, встречаясь и расходясь друг с другом. Ты привиделся самому себе в этом царстве грезы, и лишь бы она длилась, а больше ничего не надо.

В следующий раз мы приехали в становище весной на День оленя. Диана была среди участников гонок на оленьих упряжках. Дали старт очередному предварительному заезду, в котором она значилась под первым номером. Не подумайте, что я был среди болельщиков, нет, я прохаживался за их спинами. Не люблю я состязающихся женщин, хоть убей. Шум и ликование толпы вызывало во мне протест. У меня нашелся единомышленник, попросивший прикурить. «Средневековье какое-то», — заметил он, затянувшись. Я с ним согласился. Но в следующую минуту мне уже хотелось защитить Диану: она не из средневековья. Тут толпа ахнула, разом выдохнув, и последние ряды навалились на впереди стоящие.

Происшествие случилось на повороте на финишную прямую. Нарты одного из участников налетели на кочку, он в них не удержался и угодил под нарты упряжки, сле-

довавшей за ней. Сам не знаю, как я понял, что это была Диана. Казалось бы, я должен был броситься туда, всех растолкать, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, она жива-здора, или увидеть гримасу судьбы, если она разбилась. Но вместо этого я остался стоять на месте, как всегда, не вовремя задумавшись. Мне казалось, что все — какая-то ошибка, все не по-настоящему. А как по-настоящему? Так, как уже случилось. И ничего изменить нельзя. Угрызений совести я не чувствовал. Я лишь спросил себя: чего ты хочешь? Ни желаний, ни мыслей на тот момент во мне не оказалось. Странно это — ничего не хотеть.

Все обошлось. Диана отделалась ушибами.

Пришла весна. Со скрипом шли дела у друзей. «Kristy for you» повисла на волоске. «Рыбсоюз» был на грани разорения. На глазах столичных артистов паводком смыло понтонный мост. Они ехали к нам с концертами и повернули обратно, встреча с прекрасным в городе не состоялась. Зато полетели письма губернатору с требованиями возмущенных жителей приступить наконец к строительству моста, а заодно починить дороги. В местной газете была напечатана заметка о ветеринарной клинике с фотографией моей женушки. Авторша отмечала ее прекрасные человеческие и профессиональные качества и желала всяческого здоровья, а также спортивных успехов. Гонки на оленьих упряжках, заключала заметка, вполне достойны стать одним из олимпийских видов спорта.

Я прочел заметку Диане вслух, но моей радости она не поделила, а вместо этого заявила, что с гонками покончено.

— Для чего мы живем, Дианочка? Чтобы срывать цветы удовольствия! Это не я, это Лев Толстой сказал.

— Гоголь, — поправила меня Диана.

— Какая разница! Просто в следующий раз будешь осторожней на поворотах. Вот увидишь, олимпийская медаль у нас в кармане. И слышать ничего не желаю. У нас сегодня праздник.

И вот мы, взявшись за руки, идем по рынку за квашеной капустой. Вдруг ее рука дернулась, коротко сжав мою. Она не думала предупреждать меня: «Смотри, кто идет», это у нее получилось произвольно, она, можно сказать, себя выдала. Я пробежался глазами по рынку и никого из знакомых не приметил. Мы шли дальше, но в мою сторону Диана уже не смотрела. Я все понял: она увидела мужчину, из-за которого мы чуть не расстались осенью.

После «праздничного» обеда я вышел прогуляться один, чего никогда раньше не случалось, мы всегда гуляли вдвоем, и ноги сами привели меня к беседке в дальнем углу пустыря. Кому пришло в голову покрасить ее в ядовитый зеленый цвет как бы специально, чтобы отбить охоту у случайного человека даже заглянуть сюда? Дорожка к ней неожиданным образом обрывалась: дальше начиналась болотина. Рядом журчал ручей. Дальше пестрели предместья нашего городка и делала поворот река. Я нашел взглядом дежурный стакан над входом, пнул ногой пустую пачку сигарет, осудил людское племя за шелуху от семечек, усеявшую пол, прошелся взглядом по самодеятельным надписям, не отличавшимся оригинальностью, и почувствовал... жизнь. Весенний тле-творный дух проник в меня. В моем уме начали складываться строчки, предложения, стали соединяться несоединимые части неясного еще целого...

Именно тут я начал свои записки, из которых вышел рассказ как бы в отместку ущербности и примитивности моих соплеменников. И странное дело, после этого они, соплеменники, как будто вылетели из куколок бабочками. Они — многоопытное племя сочинителей, забросивших свое ремесло. Зато есть я, и я готов потрудиться за них. Пусть ручеек и маленький, а питает целое болото.

Вернувшись, я не застал Диану дома, но увидел на столе записку: «Прости. Я пока поживу у подруги». Пришла пора перемен.

Я стал избегать компаний и предпочитал уединиться и выпить один. Диана жила у подруги. Я под покровом ночи носил ей продукты, а потом писал ей письма, чтобы утром пойти на почту и отправить их. И друзей-то мне не надо, как и услуг кабака, а дай просто посидеть на почте, витая в эмпиреях, если я правильно понимаю значение этого слова.

Осенью Диана предложила мне встретиться в беседке, той самой, на краю пустыря возле болота. Отправляясь на встречу, я приоделся: новая рубашка, костюм, галстук, носовой платок. И один взял про запас, потому что был простужен и хлюпал носом. Начищенные ботинки сияли, как новые. Я пришел первым. Жду. Округа горела в лучах заходящего солнца. Первой прилетела синичка. Затем пожаловал бездомный пес. Он увидел, что беседка занята, и ушел недовольный. Я же все перекладывал запасной носовой платок из кармана в карман. И почему-то вспомнил, как однажды Диана удивительно покорно стояла в магазине в очереди, никого не замечая вокруг. К ней обратилась продавщица: «Гражданочка, не задерживайте», она растерялась и забыла, зачем пришла, что ей надо было купить. За спиной слышались шаги. Я не обернулся. Что-то мне подсказало: Диана не одна. И точно — с ней был мужчина. Я его сразу узнал. Это он попросил у меня прикурить на День оленя. Он и на этот раз произвел на меня положительное впечатление: этот человек знает, чего хочет. Диана решила, что нам обязательно надо познакомиться.

— Витя... э-э... Виктор.

— Александр... э-э... Саша.

Мы пожали друг другу руки.

Солнце легло на горизонт и слепило прямо в глаза, заставляя нас щуриться и прятать лица. На том и расстались — ослепленные светом.

Где-то через месяц, поздней осенью, Диана уехала жить к своему новому мужчине в Ленинград.

Нет ничего безобразнее в жизни мужчины, чем потерять веру в себя и других и закрыться от всего в четырех стенах. Для меня наступили глухие времена. Слава богу, соседи сверху поддерживали на плаву, топая по потолку. И бумкали, и бумкали. На Новый год похоронили Индуса. Он так и не съездил в отпуск на родину. Его бы сжечь, как у них это принято, но на такой случай в наших краях крематории не предусмотрены. Да и забрать тело Индуса на берега Ганга было некому. Его настоящее имя было не выговорить, и мы называли его Пашей. Паша по кличке Индус. Очень хороший человек. Две его гражданские жены плакали на похоронах навзрыд. Они пришли с детьми. Бедные детишки смотрели на своих матерей и не знали, чем им помочь. Когда я взглянул за край могилы, куда должны были положить нашего близкого товарища, то невольно отшатнулся: туда мне точно не хотелось.

В день Пашиных похорон пришло письмо от отца. Я достал его из почтового ящика, и оно обожгло руку. Я заторопился к себе. Не раздеваясь, сел за стол, сбросил с него на пол посторонние предметы, взял ножницы и аккуратно прошелся ими по конверту.

И занесло же отца — в Воркуту. За компанию занесло, после Салехарда. За компанию он и в шахту пошел трудиться. Спустился в нее и назад выбрался только к пятидесяти, заблудившись в собственных годочках. «Хэндэ хох, — писал он, — в лесу поют дрозды! Не должен человек под землей работать. Психически здоровому человеку это и в голову не придет. Заработанные деньги трачу теперь на свое здоровье. Завел собач-

ку. Она меня выгуливает». В письме он сокрушался, что стал лысым и лысина потеет, когда горячего поешь или чаю напьешься. «За одну минуту пролетела жизнь, сынок! Назад оглянешься, а там стоят мои дорогие Натаха и Никита. Ты их должен помнить, с их дочкой Зиной вы одно время были неразлучны. Годы их не взяли, они стоят перед глазами такие же молодые, как и сто лет назад». Никита и Наташа — друзья его детства, они из одного села, в котором вместе выросли. «Увидеться с ними хочется страшно. Но встречаться нам не надо. Ничего это не прибавит, а только убавит. Лучше уж вы, наши дети, должны навести мосты».

Отец никогда мне не писал, поэтому я не знал, что подумать, и, читая письмо, ждал чего-то особенного, какой-то архивности, заставившей его взяться за перо. И вот после очередного отступления про здоровье, мол, неизвестно, сколько ему еще отпущено, он признался, что не может больше молчать, а из могилы про то, что он хочет сообщить, не расскажешь. Все тайное когда-нибудь все равно становится явным. Потом он отвлекся, сообщив, что рядом с ним сидит его песик доброй породы и терпеливо ждет своего хозяина, не мешая ему заниматься делом, даже переживает за него, когда тот иногда сердится вслух, если не дается предложение. И только после этого отец снова напомнил мне о Зиночке, оговорившись, что он ее не сватает, тем более у меня есть жена, просто ему есть что сообщить о ней. Это необычно и важно, потому что подобное в истории людей произошло лишь однажды и давно. «Не знаю, как ты справишься с этой новостью. Но как есть. Наша Зиночка рождена от непорочного зачатия». Отец узнал о необычном происхождении Зиночки от Никиты, мужа Наташи, который не с первого раза поверил в то, что случилось с его женой. Пришлось ему, бедному, натерпеться. В конце концов он приревновал ее к моему отцу и вызвал на разговор: не он ли протоптал дорожку к чужому дому, пока его не было? Они чуть не подрались. Тут все и выяснилось. Поскольку репутация Наташи была безупречной, пришлось им обоим поверить в необыкновенность произошедшего в семье Никиты. Они пообещали друг другу, что никому об этом.

Я быстро дочитал письмо и остался один на один с ошеломившей меня новостью. Все во мне оттаяло и преобразилось. Все предметы в моем затрапезном жилье, до этого прозябавшие, сделались как бы музейными экспонатами: руками не трогать. И эта удивительная первозданная тишина. Что тут сказать. Я сам себе казался непорочно зачатым. И даже чашка и моток ниток на краю стола, избежавшие участи быть сброшенными на пол пять минут назад, тоже имели это самое происхождение. Но Зиночка! Она стояла перед глазами и не уходила. Смуглая, в белом платочке, в ушах золотые сережки-сосульки. В свое время меня к ней тянуло страшно. Но она к себе не подпускала и водилась только со своей подружкой. Ее родинка на левой щеке сводила меня с ума. Ну и, конечно, я тогда в нее влюбился. А чем еще было заняться? Чтобы обратить на себя внимание, я однажды решил удивить ее дохлой мышью. Она несколько ее не испугалась и посмотрела на меня снисходительно, а потом улыбнулась. Мы подружились. Я приезжал в село на каникулы, как на праздник, и уезжал из него обратно на большую землю, как в ссылку. Потом наши пути-дорожки разошлись. Меня ждали техникум, армия. С Зиночкой мы больше не виделись. Но со мной навсегда осталось то, как она иногда на меня смотрела, будто расставалась, чтобы потом, ночью, я долго не мог уснуть. О, этот взгляд черных смоляных глаз!

После письма усидеть дома было невозможно. Я не стал закрывать дверь на ключ, поморы не закрывают своих домов. Снял пружину с подъездной двери, которая всех достала своим грохотом. По темным улицам я торопился в свою беседку. На подходе к ней я услышал голоса веселой компании. Это наши догуливали Пашины поминки уже не дома. Дальше я не пошел. Я слышал, как они выпивали и чокались, как гризи-

ны, у которых на поминках чокаются, чтобы покойный слышал звон сдвинутых за него бокалов. А потом запел Асаф про очи черные. Половину слов было не разобрать, да и не в словах дело, а в самом не от мира сего голосе, который хотелось слушать и слушать. А когда он пропел, почти выкрикнув: «Вы сгубили меня», у меня земля ушла из-под ног. И такой человек не поет в Большом театре, а живет среди нас, простых смертных, которые последнее готовы отдать, чтобы его послушать, держит огород, теплицы, кроликов. Он смолк, и тишина воцарилась такая, как будто все умерли. Огоньки сигарет висели в воздухе, никому не принадлежа. Я уже знал, что не поеду к отцу, который звал к себе, а отправлюсь к Зиночке, на другой берег Белого моря.

Я взял отпуск за свой счет и даже не присел на дорожку.

Пассажирский поезд больше стоял, чем ехал, и трогался с места из одолжения. Слава богу, баранки с собой были, да только титан сломался. Баранки пошли всухомятку. По прибытии в пункт назначения я пересел на автобус. Людей в нем набилось как сельдей в бочке. Немудрено, что в дороге автобус сломался. Оно и к лучшему. «Пешочком, пешочком», — подбодрил я себя. Подумаешь, каких-нибудь двадцать кмэ, налегке можно. С собой только подарки деревенским: те же баранки, с пяток головных платков, конфеты и сигареты «Кэмел» мужикам. И мне все представлялось, что Зиночка меня ждет. Отказавшись от услуг попутки, я двинул по большаку в сторону моря. Лазурным наше море не назовешь, но его каждый день видит Зиночка! И ноги сами понесли. Впереди, насколько хватало глаз, тусклое неприветливое небо. Но оно же твое. А под ним в жизни людей творятся всякие чудеса и поживает необъятное море. Уже пришли в движение нешуточные льдины размером с наш городок и бродячий лед гулял по открытой воде. Пока не видно благородных кораблей, одиноких баркасов и карбасов, всякого прочего большого и малого флота, паруска и вовсе — и все же дело к весне. И что сейчас делает Зиночка? — думалось мне. Есть ли у нее муж, семья, детки? Не далеко ли я зашел, задавшись этими вопросами? Смеркалось. Я был в пути уже часа два, и меня не смущало, что до места я доберусь затемно. Бодрость духа меня не оставляла. И тут справа, на краю льдины, мне померещилось, будто что-то шевельнулось. Пригляделся, и точно — шевелится. Я подумал: ребенок — и, не раздумывая, зашел на льдину, зашпешив к тому месту. Скоро я стоял над обессилевшим серком. Я понял, в чем дело. Такое бывает в жизни тюленей во время их походов. Ни один зверь не может отстать от стада. А иной утельге приспичит не ко времени родить, выскочит она на льдину, сделает свое дело и обратно погонится за стадом. Это был тот самый случай. Лежащий у моих ног детеныш был обречен. Баранками и конфетами его не выходишь. Мне говорили, иные выживали, питаясь одним снегом, но после не давали потомства. Таких стадо приставляет в караульщики. Пока я стоял над несчастным, я не заметил, как льдина отчалила от берега, и опомнился, когда было уже поздно. Добро пожаловать на палубу без руля и ветрил. И я почему-то подумал: «За что, Зиночка?»

Сказать по правде, в ту ночь осуществилась мое давнишнее детское желание — остаться один на один с судьбой. Знаете, бывает такое: тебе хорошо и тепло, а за окном разыграется буря, и так и тянет остаться с ней один на один. Вот случай и представился. Впереди только неизвестность, бесконечная ночь. В таком деле без ангела-хранителя никак. Им оказалась Зиночка, а не Диана. Это меня испугало: нельзя, у тебя есть жена. Я всю ночь проходил по льдине во все стороны туда-сюда, чтобы не думать, не замерзнуть и не уснуть. Зиночка говорила когда-то, что море не держит в себе всякую дрянь. В том положении, в котором я оказался, было очевидно, что «дрянь» или мусор и есть я. Оставалось надеяться на снисходительность морского господина, что он поступит со мной так, как поступал с ненужным и раньше, до меня, и выбросит на

берег. А еще Зиночка говорила: море пахать не надо, оно само без тебя рождает, с ним надо водиться, мы свой хлеб из него добываем. И я вспомнил, как мы с ней были за сторожей на карбасе — ждали, когда в сети, поставленные на колья, зайдет навага или кумжа, и кричали старшим на берегу: «Зашла!»

Таких размеров простынь, как эта льдина, мне еще прошивать не доводилось. Мерещились весла. Голоса звали. Отец спрашивал: «Как там?» Это его коронный вопрос на все случаи жизни. «Нормально», — отвечал я. И виделся себе куличком на болоте, и недобрым тюленем, и декабристом, и приговоренным к высшей мере, но помилованным и отправленным на поселение на тающую льдину. Мой товарищ по несчастью уже лежал неподвижно, изредка поднимая голову, совсем как человек в горячке, мол, есть кто рядом. И вот наша льдина поцеловалась с другой. На ней люди, которых тоже унесло в море. У них есть самовар, но нет чашек. И у меня нет. «Ну, тогда нам не по пути», — сказали они и отчалили. Я понял, что засыпаю, продрал глаза и поднялся. Мне почудился запах печного дыма. И я вспомнил еще один наш разговор с Зиночкой, про лягушек. Сколько их! И каждая ждет, что в ее огород упадет стрела суженого. Зиночка понимала все проще. Не надо запускать никаких стрел. Дело в самом отношении к этим хладнокровным существам: полюбил — она царевна, не полюбил — она останется обыкновенной лягушкой. И как-то раз я при Зиночке взял одну такую хладнокровную и поцеловал в губы, мол, для меня все лягушки царевны. На самом деле в эти штуки я не верил, а только хотел лишний раз понравиться Зиночке и ради этого превозмог отвращение. И теперь за этот факт моей биографии мне было неудобно перед Дианой. А еще я думал, что это ночное испытание мне послано за прежние мои грехи, а также за грехи промысловиков, которые истребляли беззащитного белька, а также их отцов и матерей. И тут я почувствовал толчок — льдина уперлась в берег. Ночь промчалась, как одна минута. У моих ног лежал остывший серок (он преставился под утро). Я похоронил его под деревцем, лишь привалив камнями. Все равно медведю достанется, хоть бетонную плиту положи, раскопает.

Дальше я попал считай что в санаторий.

По берегам Белого моря промысловики издавна ставили избы, которыми пользовались во время путины на тюленя или рыбу. Большую часть года они простаивают и не запираются — заходи и живи, только порядок поддерживай. Похоронив серка, я набрел на такую пустующую избу. Она была просторной, на десять коек, с тумбочкой возле каждой, как в пионерском лагере. Рядом банька. Дрова — пожалуйста. В кладовой, в железном ящике я нашел съестные припасы: консервы, крупы, сахар. Вот только чая не было. Пришлось давиться кофе. И как он здесь оказался, если редкий помор пьет кофе? Тем более растворимый.

Не знаю, что за лихорадка на меня напала, по-другому не скажешь, нет, не телесная, а в мозгу. Мне казалось, что я занимаю много места, больше, чем мне нужно. Мне нужно не десять коек, а только одна. Мне вполне хватило бы комнаты размером с кухню, с одним окном, а не с пятью по всей избе. Меня тянуло обратно на льдину. Я недобрал, как говорится, причалив к берегу раньше срока, я упустил шанс дойти до суши. На льдине мне хватило бы этажерки, будильника и цветка герани в горшке. Лихорадка не отпускала. Выйдешь на улицу за водой, все не то: много моря, много неба, берега. Одним словом, выжила меня изба со своими десятью пустовавшими койками. И на третий день я отправился в обратный путь мимо села, где у меня жили родственники. Но к ним не заглянул.

В поезде я додумал, почему со мной все случилось так, а не иначе. Это Зиночка все подстроила. Она знала, что я, отправляясь в свое паломничество, больше был одержим любопытством, чем верой в то, что она рождена от непорочного зачатия. Вот она

и позаботилась, чтобы автобус сломался и я оказался на льдине и проплыл на ней километров тридцать назад, дабы нам не встречаться.

Дома меня ждало письмо от Дианы. Она написала, а не позвонила. Это меня насторожило. На тот момент я не знал, люблю ли ее. Сердце молчало. Тогда я решил сделать проверочную работу, как в школе, и вскрыть конверт не дома, а в беседке, своем кабинете на природе. И поспешил туда. В конверте был всего лишь один листок с ее рисунком. На нем два крохотных оленя стояли на горизонте друг против друга. А внизу приписка: «Приезжай. Мне надо тебя увидеть». Сердце подпрыгнуло. Мне открылся смысл ее желания: видеть — это слышать, а слышать — значит не обидеть. Как-то так, все вместе, а не по отдельности. По отдельности все не имеет смысла. Уже через день я был в Ленинграде, плутал с адресочком в руке между бетонных коробок района Купчино в поисках нужного дома. И как тут можно жить! Дверь открыл Александр. Дианы дома не было. На этот раз Александр показался мне потерянным человеком: он не знает, чего хочет. В их доме мне понравилось. Только разглядывая обстановку и чужие вещи, как в музее, я чувствовал себя неловко. Я заговорил с хозяином сразу начистоту: у вас невозможно жить, это какая-то симуляция жизни — Купчино. Наш городок в архитектурном плане намного богаче. Александр лишь кивал в ответ, соглашаясь. Я расхрабрился и продолжил свою пламенную речь. За что погибли наши отцы и деды, во что вы превратили свою жизнь, если у вас на детской площадке взрослые мужики в открытую распивают водку. Понятно, что с полки другую жизнь не возьмешь, но всему же есть предел, брат. Я довел его до температуры кипения.

— Хорош! Пойдем прогуляемся.

— Где?! — возмутился я, мол, на улицу не пойду.

Но уступил. Потому что мне надо было возвращаться обратно на вокзал. Александра удивило, что я заехал только на пять минут, и выходит, что напрасно — Диана будет только вечером.

Она говорила: кошки — это целый мир, а собаки — профессия. Александр вызвался проводить меня на вокзал. По дороге мы больше ни словом не обмолвились о Диане. Говорить о ней все претило.

Вернулся я домой и вскоре получил от нее второе письмо, оно же и последнее. В нем она сообщала, что видела нас с Александром вдвоем, но не подошла. «Я давно хотела вас познакомить поближе. Думаю, вы не будете друг другу костью в горле. И вообще, вы оба достойные мужчины. Тебя увидела. Спасибо». Это письмо меня растревожило, сам не знаю почему. Уж лучше бы она попросила развод, чем так. Но я тут же спохватился: у Дианы должен быть дом, гавань, если угодно, куда она всегда может вернуться! И пока она находится в плавании, дверь нашей квартирки не должна запирается на ключ. Мне стало как-то особенно ясно, что в большом городе Диана себя не найдет, она не рождена быть горожанкой, дело времени, когда она вернется. И я стал ей писать. Я ей писал — она не отвечала. Наступили времена вечного сегодня. Я хотел лишь любить и все забыть. Но того же отца, к своему стыду, я прилежно помнил, а не любил.

После приезда из Ленинграда, осенью, отец уложил меня на лопатки, сообщив в письме очередную ошеломительную новость, на этот раз личного характера: он женится! Я съездил к нему на свадьбу, а вернувшись домой, узнал, что наш бывший театр стал Домом культуры, и туда перебрался детский школьный хор «Солнышко», в котором я когда-то пел, но за отсутствием слуха все-таки был из него отчислен. А вот «Рыбсоюз», испытывая большие финансовые трудности, занимался только лесом. Он еще выпускал лимонад, которого наш городок, кажется, напился, а составить конкуренцию в области другим производителям этого напитка ему было не по си-

лам. Мы же, «Infant dress», знай пошивали себе детскую одежду и отчасти занимались благотворительностью, правда, перебивались с воды на хлеб. Ну а «Традиционные пряники» были непотопляемые и процветали. На Новый год я получил поздравительную открытку от Александра. Она заканчивалась припиской, что к поздравлениям присоединяется Диана. Я понял, что это он присочинил, Дианы в Ленинграде нет. Этим духом ее отсутствия просто веяло от открытки с изображением вдумчивого снегиря и тройки вороных с глуповатым Дедом Морозом, который всем своим видом изображал радость. Я написал открытку в ответ и пригласил Александра в гости.

Я и не думал, что сойду с своим соперником. Все случилось само собой еще тогда, когда мы увиделись с ним в первый раз на День оленя год назад и он попросил у меня огоньку. Нам нечего было делить. А как же женщина? — скажете вы. Ответ простой, для меня нетрудный: Диана сначала личность, а потом женщина. Личность делить не приходится. Что касается Александра, сказать по правде, мне порой его не хватало, спросить у него совета, просто поделиться новостями, посекретничать.

Но мы отвлеклись, выйдя на финишную прямую.

В конце января я получил от него письмо с признанием, что в прошлый раз он меня обманул: Диана еще в ноябре уехала на Ямал к своим и работала в поселке оленеводов ветеринаром. «За нее можно порадоваться», — писал он. И обозвал себя любителем хрустали и хохломы, обрушился на чиновничью жизнь, которая его засосала. Мне же, глядя на него со стороны, захотелось отведать шахтерской жизни и уехать к отцу в Воркуту. Две попытки купить билет попытками и остались, я так никуда и не уехал. Не заметил, как пришла весна. Снова все валилось из рук. А в голове стоял человек и дул в стакан, потом протирал его полотенцем. Он все в него дул, дул. И протирал, протирал. Я никак не мог начать делать выкройку пиджака с карманами, как говорится в одном известном мультфильме. Зато в моей беседке появилась новая надпись — «Миру — мир!». Скоро праздник — День оленя. Я гнал прочь мысли о нем и сказал себе, что останусь дома и никуда не поеду.

Когда я сидел в автобусе, на пустом небе я заметил потерявшееся облачко. Будучи иного происхождения, чем люди, оно тем не менее казалось одним из нас. В автобусе на меня посыпались последние новости. Сторожиха Клавдия купила своим взрослым детям по зимнему пальто, внукам — унты и пуховое одеяло для любимой снوخ. А себе ничего. Как было не восхититься Клавдией. «И вообще. Она людям столько добра сделала», — оговорился пассажир-информатор. А облачко за окном ни туда, ни сюда. И мы уже не ехали, а стояли на месте. Но почему-то трясло на ухабах.

Автобус был заказной и спецрейсом приехал прямо к становищу. Людей вокруг, как на вокзале, ну просто вавилонское столпотворение! Потом пожаловал *аж целый губернатор* на вертолете. На тот момент я потерял из виду облачко и запаниковал. Грянул оркестр. Публика метнулась в его сторону, чтобы увидеть — когда еще доведется — губернатора живьем. Олени заиграли ушами. Они впервые слышали звуки медных труб и какую-то пламенную речь из громкоговорителя и были насторожены, мол, люди снова чего-то там задумали, а нам, оленям, расхлебывать. Женщина впереди меня, услышав звуки оркестра, пошла от него прочь. И в этот момент все во мне остановилось. Воистину, на белом свете надо жить медленно. Это была Зиночка. Не узнать ее я не мог и ходил за ней как привязанный. Я был счастлив, что она обратила внимание на мое облачко. Боже, сколько места для жизни освободилось в этот момент — не охватить! Что там стада людские или олени. Их и не заметишь.

Между тем я почувствовал, что за мной кто-то наблюдает, но никак не мог выследить кто. Наконец этот человек попался — Диана! В тот момент я как будто оказался

в центре вселенной. Диана и Зиночка увиделись мне одной женщиной. «Зиночка!» — вырвалось у меня, когда я обратился к Диане. Она улыбнулась, мол, она меня понимает и одобряет мой выбор. Я сказал, что она не то подумала, с этой женщиной мы в детстве были друзьями, я давно ее не видел. «Тогда почему ты к ней не подошел?» — спросила Диана. Я не знал, что ответить. Долгожданная встреча с любимым человеком скомкалась. Я предложил поехать домой. Она согласилась.

О прошлой жизни я ее не расспрашивал, чтобы не ворошить муравейник, и так было ясно, что свои на Ямале ее не приняли. А через неделю она ушла, оставив записку: «Прости меня за все. Я не могу полюбить. И все-таки почему ты не подошел тогда к этой женщине, если долго ее не видел? Прости, что я подглядывала за тобой. Прости, прости. Не прощаюсь». Она уехала, и под крыльцом нашего подъезда завелся кот. Он рычал и шипел на людей, но еду от них брал. А в палисаднике поселилась умная практичная собачка. Она умела улыбаться. Скоро я узнал, что Диана устроилась продавщицей в селе, от нас километров в двадцати, ближе к морю. Как-то позвонил Александр сообщить, что потерял ее. Я его успокоил, если так можно сказать: *пропащая* нашлась. А в конце лета сильно огорчил. Эту новость я не мог выговорить по мобильному и написал открытку, попалась с видом Москвы: «Приезжай. Диана ушла. Ее жизненный путь оказался коротким».

Это случилось в июне. Рука не поднимается написать эту банальную фразу, что она сделала. Скажу только, что нашли лодку, на которой ей якобы надо было переправиться на другой берег реки. Взрослым я падал из лодки в воду. Пловец я никакой и хорошо помню тот ужас, когда она стала от меня уплывать. Не сомневаюсь, Диана, которая тоже не умела плавать, испытала то же, но при ее самообладании она наверняка спокойно проводила ее взглядом и ушла под воду.

Скоро приехал Александр.

Как он рыдал, когда мы вышли на берег Белого моря, ставшего Диане братской могилой! А потом сел и затих. Вернувшись в село, где она жила последние полгода, он выкупил злосчастную лодку у ее хозяина. Мы бережно, будто гроб, погрузили ее в кузов тракторного прицепа и поехали по бездорожью ко мне.

Лодка нашла свое место для вечной стоянки в том самом палисаднике нашего горемычного дома, в котором одно время жила практичная собачка и до сих пор живет дикий кот.

МЕТАФИЗИКА ОТ ПОНЮШКИНА

После тридцати мне часто представлялось, как в дверь позвонят, я открою и увижу на пороге юношу, который скажет: «Здравствуй, папа». Было у меня такое предчувствие, что я в свое время где-то наследил. Но я так и не дождался этой желанной встречи при жизни. Мне довелось увидеть своего сына после смерти.

Дело было так. В прошлом году, для теней, вроде меня, даты не имеют значения, пусть это будет 2019 год, соскучившись по родным местам, я заглянул на свою улицу. Улица моя по соседству с Лосиным островом, у Христа за пазухой. Я зашел в знакомый подъезд нашей многострадальной пятиэтажки, где прошла моя жизнь. Поднимаюсь к себе. И тут пролетом выше вижу на лестничной площадке молодого человека, который звонит в мою дверь. Широкоплечий, поджарый. Даже со спины чувствовался градус его норова: как это мне не открывают дверь! Он грозно посмотрел на свою руку, приклеившуюся к звонку, мол, не надоело, как будто она сама по себе, а он сам по себе. Рука осталась на звонке. В этот момент меня и пронзило, я догадался, кто передо

мной. Сейчас он развернется, и я увижу лицо моего сына! Но когда он пошел на меня, я опустил глаза и сыграл постороннего человека, уступив дорогу. Когда внизу хлопнула подъездная дверь, я достал сигареты. Воспользоваться ими я, понятное дело, не мог, покрутил сигаретку в руке и отправил обратно в пачку.

От меня мой необычайный гость поехал на вокзал. Я последовал за ним, теряясь в догадках, кто его мать. Мысленно я хвастался перед прохожими: это мой сын, а вы не знали! А еще, дорогие мои москвичи, говорил я им, среди вас нет меня, вы об этом тоже не догадываетесь. И так мне было хорошо. Я не мог наслушаться шумом города, наглядеться на людей, машины, трамваи. Ведь там, где я теперь обитаю, люди в городах не живут и по улицам на работу или домой не торопятся.

Приехали на Ярославский вокзал. Перед тем как пойти на перрон, мой сын подкрепился, съев два пирожка всухомятку. У него не хватило на чай! Во мне проснулся сердобольный родитель: у него нет денег, он уедет голодный! Вышли на перрон. Поезд Москва—Архангельск. Конечный пункт назначения все расставил по местам, я понял, кто его мать. Поезд тронулся по своим рельсам, а я своими воздушными путями — напрямиком на вокзал Архангельска, чтобы встретить сына там. Когда поезд причалил к перрону, я не сразу высмотрел его в толпе прибывших, двинулся навстречу, а он прошел мимо меня. Я снова забыл о том, кто я и что в реальной жизни среди людей меня нет.

* * *

Обычно людей влечет на юг, к морю. Меня же всегда тянуло на север, в тундру. Кто знает почему. Моя мечта сбылась. После окончания радиотехнического института я по собственному желанию отправился в земли Франца-Иосифа на стражу небесных рубежей нашей необъятной со стороны севера. От звездного неба мне перепало две на погоны.

То, что рождается, есть лишь человеческий материал, в котором людям суждено родиться еще раз. На новом месте я встал на этот путь. Мысли потекли и упорядочились. Раньше они роились и путались. Понятия «надежность», «тепло», «жратва», «команда» сменили кисейные понятия «добро» и «зло», имеющие хождение в умах и сердцах людей в средних широтах. Каждый день я был в процессе, рос в собственных глазах и засыпал с чистой совестью. Агнцем и просыпался. Позади полгода службы. Оставался годик. Это было с 1989-го на 1990 год (мне еще жить и жить, по человеческим меркам).

Шли мы как-то после ремонтных работ радиолокатора на острове Земля Александры. Впереди по курсу следования нашего суденышка встали льды, оккупировавшие залив. Выслушав невразумительный доклад по рации, капитан объявил: «Я — не ледокол». Представление о глубине под нами было отвлеченным, пока капитан не обратился ко мне, пошутив: если пойдем дальше, то скоро будем кормить рыб. «Леворуля, — скомандовал он. — Идем в Мурманск». Я перевел дух.

Мы не дошли до причала на острове Греэм Белл, где располагалась наша база, каких-то мили полторы, изменив курс. До Мурманска мы шли неделю. Форма одежды рабочая, документов при себе не имеет, разве только лицо и образ мыслей, правда без печати. А моряк без документов все равно что водитель без прав, жук на спине, словом, дезертир. Но тем интереснее.

Штаб дивизии находился на Новой Земле, штаб армии — в Архангельске. Предстояло с ними связаться и получить предписание, куда мне держать путь. А пока попутный ветер гнал нашу каравеллу на полных парусах в Мурманск, где я сразу и застрял

на первые две недели. Так было потом на каждом повороте моей одиссеи, извилистыми путями ведущей к цели — возвращению на Грэм Белл.

В Мурманске связались, с кем надо, вопрос утрясли. Мне дали команду вылететь в Вологду, затем поездом добраться до Архангельска и ждать у моря погоды в буквальном смысле, чтобы оттуда первым самолетом вылететь в Амдерму, потом вертолетом, с посадкой в Мысе Надежды, проследовать к конечному пункту маршрута. Сроков возвращения никто определить не мог, поэтому они и не оговаривались. Дали денег на билет из Вологды, а пока определили в офицерское общежитие до лучших времен, то есть до вылета военно-транспортного самолета непосредственно в Вологду. О суточных даже не заикнулись (моряки — другое ведомство). Видимо, в штабе думали так: если язык может довести до Киева, то тем же языком можно добыть себе пропитание.

Военно-транспортный самолет — не гражданский, летает не каждый день, из-за одного пассажира ключ на старт не сделает. И погода опять же стояла нелетная. Потом застрял груз в порту, потом затеяли какой-то ремонт, потом ждали отпускников. На все про все месяц долой.

И вот вылетели.

Самолет набрал высоту. Команда смешанная: офицеры-отпускники, их жены с детьми, какие-то гражданские лица. Сидим в два ряда по бортам. Лица у всех вдруг приняли такое выражение, как будто вот-вот предстояло десантироваться без парашютов с пожитками. Я закрыл глаза и почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Пришлось открыть, чтобы не быть неучтивым. Отпускник с противоположного ряда показал взглядом на фляжку, которую достал из-за пазухи. «М?» — обратился он ко мне, мол, будешь? Я прижал руку к груди, мол, спасибо, воздержусь. Его глаза округлились, мол, как! Я пожал плечами, мол, так, объяснить не могу. Он глубоко задумался и закрутил крышку фляжки, почему-то передумав выпить.

Этот матерый альбатрос летел в отпуск, на солнышко, которое греет, на пуховые перины, от которых бросает в жар, посидеть за столом с родными и близкими, повидаться с друзьями. Ничего из этого набора отпускника меня не прельщало — я ни по кому и ни по чему еще не соскучился. «Нам надо держаться вместе», — сказал он мне позже, уже в Вологде, где он задержался, чтобы кое с кем повидаться. Мы подружались. Его звали Володя. Он промокал губы салфеткой, перед тем как приложиться к стакану. За неимением салфеток — краем рукава. Я брал с него пример, и нас уже было двое, которые смотрелись в компаниях белыми воронами. Мы даже пользовались носовыми платками одного цвета. Володя дал мне умный совет — узнать про метеоусловия в Архангельске: какая разница, где торчать? Но начальник аэродрома оказался не в настроении и отказал в просьбе. В этот же вечер судьба усадила нас вместе за один стол, и капитан подобрел. Он сделал звонок в свою небесную канцелярию, и картина нарисовалась предельно ясная: Амдерма не принимает.

Как-то раз начальник аэродрома встретился нам с Володей на улице по пути в магазин. Он предложил мне пожить у него, мол, Володя научит меня пить горькую не стаканами, а днями. Хитрец, он делал в квартире ремонт, и ему нужен был электрик. Кроме того, и в порту для меня была работа. Володя не отдал меня в рабство и размазал по друзьям и знакомым на ближайшие пять дней. Ему везде были рады. «Я же говорил, нам надо держаться вместе», — услышал я в очередной раз. В его интонации был укор, как будто я в этом сомневался.

В свои тридцать пять Володя был холост, что для военного человека можно считать отклонением от нормы. Холостяки везде дома. Он — гуляка. «Таких кобельков, как я, по стране стаи, полчища, — смеялся он над собой. — В прошлый раз я вернулся

в часть без копейки, так и не навестив маму». Со слов Володи, военные люди — те же балерины, отдающие себя любимому делу без остатка, чтобы после сорока выйти на заслуженную пенсию и выбрать новое место проживания по своему усмотрению. Так что прожигателем жизни его не назовешь. У прожигателей нет цели, а у него все ради пенсии. А там как карта ляжет.

Я бы уехал из Вологды на месяц раньше, если бы все-таки не угодил на галеры к начальнику аэродрома. Он позвонил в Архангельск, в штаб армии, что пока суд да дело, привлечь меня к работам в порту. И получил добро. (Но начал я с его квартиры, исправив чужие косяки.) Оно и к лучшему, тем более мой образ жизни с первых дней пребывания в этом городе дал крен в сторону праздности, бесконечных застолий, так что я потерял интерес к городу, даже в краеведческий музей не заглянул. Мне грозило стать заезжим гастролером. А тут поставили на довольствие в офицерскую столовую и презентовали прикид.

На мне новая форма — черная шинель без погон, форма морских летчиков. Я бы носил ее с гордостью хоть до конца жизни. Но пришел срок покинуть и Вологду. Ам-дерма по-прежнему не принимала, но меня позвало. Билет до Архангельска куплен. Я поднимаю с мостовой гайку, чтобы примерить ее к болту, подойдет ли? Болт этот я поднял с пола, когда приземлились в Вологде, и оставил на память о перелете сюда из Мурманска, вместо оберега. И гайка к болту подошла! Я заглянул в офицерское общежитие попрощаться с Володей. Он с трудом оторвал голову от подушки. «Нам надо держаться вместе», — сказал он, явно не понимая, кто перед ним. А скоро я сел в поезд и занял свое место.

В том поезде мы и познакомились с будущей матерью моего сына. Ее звали Люба. Она сразу взяла меня в оборот, и через час мы уже целовались при людях. Этого нам показалось мало... Нашего сыночка мы зачали в тамбуре, точнее, в дороге. Поезд сильно качало. Мы вернулись в вагонную компанию новыми людьми. Ехали весело. Все молодые, открытые. Мы больше шутили и смеялись, чем выпивали и закусывали. Моя история «дезертирства» всех развеселила. За исключением милиционера с бокового места. Он принял меня за беглого. На мне была черная шинель морского летчика, а под ней рабочая роба. Ему моя история показалась подозрительной. Когда мы были на перрон славного города Архангельска, меня встретил наряд милиции, который препроводил в отделение при вокзале. Об этом заранее позаботился тот самый милиционер с бокового места. В отделении со мной были обходительны и вежливы и приняли во мне неподдельное участие. Разобравшись во всем, стражи порядка вручили мне на дорожку подарки: хлеба и вяленую рыбу. Я ждал, что они попросят у меня автограф, должен же я хоть чем-то их отблагодарить. На улице меня встретила Люба. Она вызвалась проводить «дезертира» до штаба армии, тем более я не знал города.

* * *

Как говорил мой близкий школьный приятель, мы все знаем, чего хотим, но не знаем, что нас ждет. Исчерпывающее определение непредсказуемости судьбы. Откуда бы я ни получал от него весточки, он всегда заканчивал словами: «Наша возьмет». Хорошо помню его рисунок, сопровождавший одно из писем с Кавказа: бутылка чачи в гробу. И подпись: «В гробу мы видели такую чачу!» Это было на заре юности. Прошлым летом я заглянул к нему на яхту. Он с друзьями бороздил просторы Карибов. Самый трезвый член команды сделал себе коктейль, чтобы не набраться сразу и продержаться до обеда. Но потом все-таки ушел в отрыв. А те, кто пил с утра, странным образом протрезвели. От ветра в парусах, что ли. И конечно же, я услышал: «Наша возь-

мет!» Чья наша? Что она возьмет? Чем бессмысленнее выражение, тем сильнее оно привязывается. «Наша возьмет! — объявил я Любе, учительнице младших классов, а потом поправился: — Нам надо держаться вместе». Она рассмеялась: «Ты как будто на войну собрался». На свою беду, она познакомила меня со своей хорошей приятельницей Светланой, учительницей старших классов, девушкой строгой и неприступной. И если я понравился Любе с первого взгляда, то с первого взгляда Светлана понравилась мне. Я думал уже только о ней. А жил с другой. «Трагическая комедия. Автор пьесы — судьба», — сказала однажды Люба. Она все видела и понимала. Но не прогнала меня: стерпится — слюбится.

Утром я уходил в штаб, как на работу, где мне выдали метлу и сказали: «Мети», уравнив в обязанностях с солдатом. А мне только этого и надо: поставили на довольствие, дали койку в общежитии. Я как заправский семьянин стал приносить из офицерской столовой обед и ужин домой, к Любе. То есть я позаботился о судках — в ладнях первое не принесешь, как и второе. Увижу бесхозную веревочку — в дом, винтик, болтик — в дом. Ну и, само собой, кое-какой слесарный инструмент.

Со Светланой нам выпало побыть вдвоем лишь однажды. Я возвращался со службы. Она шла в театр. Я предложил пойти в кино. И она согласилась! Меня, как током, пронзило чувством возможной близости, ведь ради меня она изменила свои планы! Мы сидели в полупустом зале, рука к руке. Беседу завязать не получалось. Мне хотелось рассказать ей о своих мечтах, поделиться планами на жизнь, но я вдруг заговорил о Любе, какая она хорошая, справедливая, целеустремленная и твердая духом. Я сказал, что с Любой я увидел, что живу среди честных людей, их больше, чем нечестных, и я буду стараться никого больше не обманывать. Светлана со мной согласилась: Люба — кладезь — и добавила: «Нам надо держаться вместе». Тут я окончательно потерял дар речи.

Так я оказался не просто в окружении честных женщин, а в кольце, из которого не вырваться. Погиб.

Домой вернулся поздно. Люба устроила выяснение отношений, «где ты был».

— В кино.

— С кем?

— Со Светланой.

— Зачем ты мне это сказал?

— Ты сама спросила.

На следующий день она пришла забирать меня из офицерского общежития, не встретив сопротивления. Я шел за ней, как побитый кот. Любовь придумали мужчины, чтобы затащить женщину в постель. А женщина любит по-другому, ей нужна не постель, а душа мужчины. Если я придумал Светлану, то Люба своих учеников не придумывала, иначе бы она быстро в них разочаровалась и не смогла преподавать. Профессия учителя сродни профессии врача или минера, которые не имеют права на ошибку. Стиснув зубы, я запретил себе встречаться со Светланой. Позже, после армии, меня так и подмывало написать ей. Уязвленный несвершившимся, я хотел восполнить все словами. Ну и расстояния до сердечного объекта мутили кровь. Я брался за перо, бросал его и уходил бродить по улицам. Мне бы только краешком глаза ее увидеть, уговаривал я себя. Да так и шел по краешку, пока любовный яд анчара не рассосался сам собой.

Наконец погода наладилась, погода летная. Амдерма принимала, но в штабе, как назло, перегорела проводка, мне пришлось задержаться, чтобы исправить чужие косяки. И все-таки этот день настал, торжественный и будничныи, — прощай, Архангельск. «Не забудь позавтракать. Пиши», — прочел я записку, оставленную Любой

на столе, и так и замер: я — подлец. Подлец позавтракал и начал собираться в дорогу. «Я — не ледокол, — напутствовал я себя. — Прости, Люба». А в это время она уже носила под сердцем нашего ребенка. Что тут сказать? Жизнь Илюши прошла мимо меня стороной, я не увидел, как у него прорезались первые зубки, как он пошел, заговорил. Меня никогда не обнимали его ручки-плеточки. Он не засыпал у меня на руках. Я не говорил с ним по душам, когда он повзрослел. Словом, я не стал ему отцом. А теперь я уже бронзовый — у нас на дворе вечность.

С Любой мы простились на школьной перемене. Она стояла у дверей своего класса в окружении учеников. Увидев меня издалека, она поняла, зачем я пришел, и взглядом дала понять, что подходить не следует. В ответ я поднял руку к плечу и сжал кулак, но вместо «Но пасаран» сказал неслышно: «Соломбала!»

Соломбала — название района, где я квартировал у Любы. Здесь когда-то была первая государева верфь России. Я пользовался этим звучным словом как приветствием.

«Да-да, — покачала она головой в ответ. — Соломбала, Соломбала».

В тот год я все-таки добрался до Амдермы. Там у меня была пересадка на вертолет. До его вылета оставалось время, и я прогулялся по городку, не веря земле под ногами. Со мной все здоровались, как в деревне. Я только успевал крутить головой, отвыкший от такого этикета. Вырвавшись из Архангельска на волю, я дышал полной грудью: долой семейную жизнь! Меня влекло только вперед. И скоро я оказался на окраине городка, у моря. Я возвращался обратно по мосткам, положенным на пустые бочки, и что-то заставило меня оглянуться — за мной шел белый медведь. Я бросился наутек и спасся от него в стенах местной почты. Увидел на стене карту СССР и забылся, где я? И дальше я смотрел кино, в котором в закрытую на щеколду дверь пихался медведь. В следующем кадре он заглянул в окно с улицы, облизнулся и откланялся. Со мной поздоровались. Это была почтальонша. Она не переставая делала больно конвертам увесистым молоточком со штемпелем. Вместо ответного приветствия я, едва отдышавшись, выпалил, что никогда не женюсь. Пальма в кадке, левее карты, замкнула цепь: семейная жизнь — это казенщина, пошлость. Я сказал это вслух при постороннем человеке и только потом осознал, что произошло: я только что был на волоске от гибели, и теперь я в безопасности. Здесь, на почте, уникальной своей отдаленностью от всего, что ниже Северного полярного круга, я ощутил себя дома. Все в этой просторной комнате показалось родным и близким. Оставайся жить здесь, в Амдерме, лучше места тебе не найти, подумалось мне.

В дверь дернулись и постучали. Это был уже не медведь, а какой-то местный житель или жительница. Почтальонша согласилась со мной, что жениться не надо: вот она вышла замуж за военного и совершила ошибку, лучшие ее годы прошли вдали от столиц. Она посмотрела на меня как-то уж больно откровенно, мол, долго мы с тобой шли к этому дню, милый, и вот наконец встретились. В дверь уже откровенно ломились. Я спросил ее без слов: открыть? Она дала понять, что сделает это сама. Но открывать не спешила. А когда все-таки открыла, перед тем незаметно расстегнув верхние пуговицы на блузке, на пороге уже никого не было. Момент был упущен, ее план по дискредитации себя не удался. Пуговицы на блузке вернулись в исходное положение. Посмотреть мне в глаза она не решилась и попросту выгнала меня, превратившись из тусклой и непривлекательной замарашки в фурию-красавицу, которая не отвечала за себя.

Через час вертолет сделал ключ на старт. «Наша возьмет», — пообещал я неизвестно кому, прощаясь с Амдермой. Машина набрала высоту, я увидел внизу человека размером с игрушечного солдатика, и слезы сами покатались по моим щекам. Я летел по небу блаженным дурачком.

Свершилось! Блудный солдат вернулся в свою часть! Остров Грэм Белл на месте, только покрылся снегами. Замерли и провисли лопасти вертолета. Все — какая-то восхитительная глупость, но я снова здесь. Еще полгода службы, и тебя здесь уже никогда не будет, ты — существо временное и случайное, настолько случайное, что нет слов. И тебе ничего не принадлежит.

В тот день я не испытывал принуждения к мысли, как не испытываю этого принуждения и теперь, когда думаю, что своим рождением Илья обязан великому русскому обстоятельству — погоде, льдам, не пустившим в залив вахтенное суденышко, возвращавшееся с Земли Александры, из-за чего мне пришлось проделать путь к месту приписки окольными путями.

Мое прибытие в расположение части началось с происшествия. Господа офицеры смотрели на меня как на предателя родины, который достоин высшей меры: мы и без тебя справлялись со службой, взаимозаменяемость, наш пожарный козырь, сработал на все сто, ожидаем представления к наградам, а ты с нами так — не привезти сорокаградусную, поменять минус на плюс, РЛС тебе за пазуху! Но меня быстро простили, выставив на стол за встречу.

По возвращении в часть я некоторое переписывался с Любой. Про свою беременность она мне не сообщила. После армии я отметил парой поздравительных открыток из Москвы — на Новый год и Восьмое марта. На том наша связь оборвалась.

Я женился вскоре после армии. Моя жена, легкая на подъем и веселая нравом, работала переводчицей в турфирме. Мы жили хорошо, даже беззаботно, пока в доме был недостаток. Все сломал всесоюзный дефолт. Пришлось оставить работу в институте и стать телевизионным мастером. Заодно шабашил на стройках электриком. Я уже откровенно тянул ляжку, как все. Пошла в школу дочка. Я и не заметил, как она стала взрослой барышней. А у жены приключился роман с французом. А я закрывал на это глаза. Но однажды посадил ее напротив себя, и мы поговорили начистоту: отпущенное нам количество семейного счастья мы исчерпали, будем жить дальше и не мешать друг другу. Мы решили развестись. Дочка до совершеннолетия жила со мной, потом перебралась в Европу и устроила свою личную жизнь в Португалии. Вышла замуж. Я был только рад за нее, тем более в России она всегда мерзла. Ну а я последние три года перед своей кончиной был ИП¹. Залез в долги. Удавка на шее затягивалась.

* * *

Похоронил родителей. Стало пошаливать сердце. В тот год как-то сразу, один за другим, ушли в могилу многие знакомые. Коммунальные платежи достали. Мосэнерго достало. Однажды при снятии показаний счетчика я обнаружил, что сорвана пломба. Надо было ехать разбираться, что я ее не срывал, чтобы не платить штраф. По дороге я плюнул на все и решил кутнуть. Наудачу мне позвонил мой близкий школьный приятель, тот самый, отравившийся в свое время на Кавказе чачей. Он пригласил меня на пати по случаю возвращения с Канар, приурочив к этому событию чей-то день рождения, который совпал с днем основания добровольно-обязательного общества путешественников, которое мой приятель возглавлял. И вот он уже представляет меня женщине моих лет, в золотых кроссовках, по имени Камилла. В середине вечера я звал ее уже Милавой. Объявил, что завтра мы с ней поженимся, потом извинился, что у меня срочные дела, я должен ехать в Мосэнерго, потом еще надо заглянуть в профсоюз и, прихватив бутылку красного вина, покинул вечернику. Помню, ехал в метро. Путь был неблизкий, через всю Москву. По дороге вышла неприглядная

¹ ИП — индивидуальный предприниматель.

история. Голова еще соображала, но руки и ноги не слушались. Незаконно конфискованная на вечере бутылка вышла боком. Я встал, чтобы переложить ее из кармана брюк за пазуху пиджака, но она выскользнула из рук. Бутылка вдребезги! Я кинулся извиняться перед пассажирами, те меня успокаивали: мол, бывает. Попутно я застегивал zipper, объясняя, почему он расстегнут, zipper не давался. Я зачем-то отворачивался, хотя отвернуться было некуда: зрительские места были заняты пассажирами по обе стороны от меня. Потом мне уступили место. И тут — смешинка в рот попала. Я ужасно этого застеснялся и давился смехом, пряча лицо под пиджак. Потом я успокоился и уснул, обнаружив себя уже не здесь, покинув осязаемый мир.

* * *

В тот день, когда мой сын приехал в Архангельск, он уволился из театра, где работал актером (я так понял, он только начинал на этом поприще), и устроился в порт разнорабочим. Все правильно, не должно помору быть артистом, кривляться на потеху публике.

Его что-то терзало. Он стоял у памятника тюленю (в мое время этого памятника не было) и чего-то ждал, готовился к прыжку. Потом вдруг быстро взял с места, буд-то решив, куда пойдет. На самом деле все обернулось бесцельным кружением по городу. Он заглянул в церковь, поставил кому-то свечку и перекрестился. А скоро я завидовал чайкам, которых мой сын кормил с набережной. Вот бы оказаться на их месте и на лету ухватить от него хлеба!

Потом он шел по улице петровским шагом, разрезая толпу, как нож масло. Ему дела не было до того, что прохожий донес-таки окурок до урны, а собака радовалась хозяйке, на ходу тыкаясь носом в ее руку в перчатке, что люди заспешили через улицу, когда светофор загорелся зеленым. Я отвлекся и увидел моего сына уже хромавшим, сбавившим шаг. Он оступился и был не на шутку зол на себя. Очень своенравный молодой человек! И мне сделалось хорошо от того, что он такой, а не какой-нибудь другой, в смысле именно такой, и другим быть не может. И если бы я умел плакать, то я бы расплакался бы от умиления.

Он все кружил и кружил по городу. «Привет, Илья!» — услышал я. Забывшись, я не сразу сообразил, что обратились к нему. И вдруг опомнился: Илья? Моего сына зовут Илья! Он — Илья Ильич, ему дали имя в честь меня! На приветствие он ответил взмахом руки и не остановился. Я шел и шел за ним. Он завернул во двор пятиэтажки, остановился, поднял с земли камешек, постоял в раздумье и кинул камешком в окошко. В окне показалось личико девушки.

Они смотрели друг на друга, не то прощаясь, не то только встретившись.

Это была его девушка.

Она к нему не вышла. Я понял, что мой сын и раньше, когда у них все было хорошо, кидал камешки в ее окошко, и теперь, когда их отношения стали дышать на ладан, это был жест примирения «давай начнем сначала». Если бы девушка все для себя решила, она могла бы не подходить к окну, а уж если показалась, то хотя бы кивком головы дать знать, мол, нет, и не пытаться моего сына, заставив прождать себя с полчасика. Но возможно, все было и не так. А как? Пока она не показалась в окне, она и правда для себя ничего еще не решила. Но отойдя от окна, возможно, даже оказавшись у двери или даже за порогом своей квартиры и попробовав на вес первые шаги по ступеням вниз, тут только сказала себе: «Нет» — и вернулась в квартиру.

Мой сын принял утрату мужественно. А девушка мне понравилась. В ней были сдержанная строгость и простота.

Дома Илюшу никто не ждал. Это меня насторожило. Он не стал включать свет, уличного фонаря было достаточно. Он подошел к окну и положил ключи на подоконник. Там и остался наедине с ночным товарищем. Так и я стоял когда-то на том же месте. Если включат свет, я увижу ту же обстановку, что и много лет назад, какая была, когда Ильи еще не было на свете, разве диван новый. Я узнаю сервант, гардероб с зеркалом, швейную машинку с ножным приводом. Мной овладели дурные предчувствия, они касались Любы. Вдруг я услышал, как заработала швейная машинка. Или мне показалось, но я почему-то подумал, что Люба умерла. Мне припомнился визит Илюши в церковь. Раздался телефонный звонок. Илья к телефону не подошел. Позвонили еще. На этот раз он взял трубку. «Она умерла», — огорчил он кого-то на другом конце провода.

Подглядывать за близким человеком скверно. Это как читать чужие письма, входить в дом в отсутствие хозяина. Но как я мог его оставить. Мне стало понятно, откуда у него был мой московский адрес. Люба сохранила мои письма, а может быть, только поздравительные открытки с Новым годом и с Восьмым марта, Илья их обнаружил и решил меня найти. Он хотел меня увидеть, я был ему нужен. Нужен! Эту занозу из себя теперь не вытащить.

На следующий день я снова стоял во дворе пятиэтажки под окном девушки Ильи. Я не кидал камешком в окошко — она сама в нем показалась. «Иду», — сказала она, она сказала это не мне, а человеку за своей спиной, который ее позвал, повязала на голову платок и скрылась. Я приготовился увидеть ее поближе, не сомневаясь, что она сейчас выйдет из подъезда. Накануне я вспомнил, кого она мне напомнила — Светлану. Потому я и здесь, чтобы снова встретиться с ней в лице этой девушки. Оказывается, у нас с сыном одинаковые вкусы относительно женщин.

Из подъезда вышла толстая женщина, если не сказать жирная, с оплывшим лицом и маленькими глазками на нем. Это была Светлана. Как я узнал ее? Кто ж его знает. Метаморфоза, произошедшая с нею, меня потрясла. Следом из подъезда вышла девушка, взяла ее под руку, и они пошли, мать и дочь.

* * *

История не рассказана. Я и без того слишком задержался, а мне еще надо заглянуть в Португалию, в Париж, в Амдерму — город-призрак, который меня никак не принимал, но где я все-таки оказался. И меня тянет туда по старой памяти, потому и люблю заглядывать в те края. В 1990-м в этом военном городке на краю света еще кипела жизнь, варилась, а если точнее — выкипала. А теперь только белые медведи да такие, как я, неприкаянные души бродят по его заброшенным улицам. Ничего не вернешь — не встретишь почтальоншу, не заплачешь, увидев маленького человечка внизу на взлетной площадке.